

долго постукивал пальцем по столу, видимо, обдумывая, что сказать притихшей матери. И сказал. Да так, словно приговор вынес. Нет, не помнит Прасковья Николаевна фамилии того человека, а вот слова его не забыты. До сих пор в душе, как свинцовая пуля.

– Знаете что, мамаша. Письмо не может служить основанием для назначения пособия. Во-вторых, тут речь идет о плене, а это очень серьезная штука. Неизвестно ещё, ЧТО с вашей дочерью. Может, она преспокойно живёт в Германии... А письмо пока спрячьте и не показывайте.

– Эх, сынок, сынок... – только и смогла сказать Прасковья Николаевна...

С тех пор письмо это она и вправду не показывала никому. Положила его на дно сундука, а боль свою – на дно сердца. И переживала, и мучилась молча, мужественно, терпеливо, как и тысячи матерей России...

И вдруг писатель Смирнов разбередил душу, призывая вести поиски героев, бережно собирать письма и документы участников войны, рассказывать о них молодому поколению страны. Прасковья Николаевна открыла сундук и решила ещё раз развязать узелок со своей болью...

Лейтенант Вегеря

Поезд остановился на станции Курск.

Мы вышли из вагона взглянуть на вокзал. Долго озирались по сторонам, стараясь разглядеть, не осталось ли каких следов войны. Каждый из нас знал, что на этом направлении произошло одно из самых жарких сражений минувшей войны.

Утренний город ещё спал. Даже на вокзале народу почти не было.

– Интересно, – заметили Надя и Валя: – едем по местам боёв, а никаких следов не заметно.

– Смотря какие следы, – улыбнулся Василий, – развалин, конечно, нет. А вон, видите, памятник блестит? А во-он ещё один?

– Видим.

– Так вот под ними – тысячи солдат. У нас на Украине почти в каждом селе такой памятник.

В вагон мы зашли под впечатлением от разговора о войне, который невольно перешёл опять на воспоминания о Тосе.

Я вынул свои бумаги и записал какую-то мысль. Пока я перелистывал записи, внимание Василия привлекли несколько документов.

– Ба, да у тебя целый архив? – удивился он. – На некоторых листах – красная звёздочка. Уж не переписка ли с Министерством обороны?

– Всё тут.

– Это любопытно, – заинтересовался Василий. – Можно посмотреть, если не секрет?

Как архивариус, он стал вчитываться в строки писем...

Мелекес, ГК ВЛКСМ.

Вашу просьбу пока трудно выполнить. Необходимо установить точное наименование села и обязательно указать район.

В Харьковской области почти в каждом районе имеются сёла Новая Ивановка, Нижняя Ивановка, где во время Великой Отечественной войны были сильные бои.

Уточните через старшего лейтенанта ВЕГЕРЯ Ф.П. полное наименование села и укажите район. Мы примем участие в розыске могилы вашей землячки Тоси Потаповой.

В. Лукашов, зав. общим сектором Харьковского ОК ЛКСМУ.

* * *

Начальнику архива Министерства обороны СССР
Копия: Мелекесскому РК ВЛКСМ, Ульянов. обл.

Направляю запрос по розыску Вегеря Ф.П., в 1943 г. проходившего службу в Н-ской войсковой части.

Прошу проверить по документам этой войсковой части и результат сообщить второму адресату, а при необходимости наведения дальнейших справок и в Главное управление кадров, указав более подробные данные на разыскиваемого Вегеря.

Проверкой по карточкам Главного управления кадров установить Вегеря Ф.П. не удалось.

Петров, начальник отдела управления.

* * *

г. Мелекес, ГК ВЛКСМ

На ваше письмо, поступившее в архив МО, сообщая, что Н-ская войсковая часть входила в состав 1-й гвардейской армии.

В раздаточных ведомостях на выдачу денежного довольствия личному составу за 1943 год Вегер Ф.П. не значится.

Других документов этой части в архиве МО нет.
Рыбенков, пом. начальника архивохранилища.

* * *

г. Мелекес, ГК ВЛКСМ

На Ваше письмо Харьковский обком комсомола сообщает, что комсомолка Тося Потапова была зверски замучена в с. Н. Ивановка бывшего Петровского, ныне Лозовского района на Харьковщине. На территории села находится колхоз «Рассвет».

В этом месте в 1943 году развернулись трагические события, которые стоили многим жизни.

Наша воинская часть была отрезана от основных частей Советской армии немецкими танками. Стараясь вырваться из окружения, часть советских воинов, обессиленная неравной борьбой, попала в плен. Попала в плен и Тося Потапова. Часть военнопленных фашисты расстреляли сразу. Остальные были оставлены для медленной расправы. Фашисты были взбешены стойкостью советских людей, которые, будучи в плену, остались мужественными и непоколебимыми. Дикими методами расправились фашистские изверги с нашими людьми. Страшной смертью погибла и отважная советская девушка-воин Тося Потапова.

Подробности гибели Т. Потаповой, о которой сообщил ст. лейтенант Вегеря Ф.П., совпадают с сообщениями жителей с. Н. Ивановка.

В 1943 г. с. Н. Ивановка было освобождено Советской армией от фашистских захватчиков. Председателем сельского совета (Н-Ивановского, сейчас Раздольного) стал тов. Зубенко Ф.Д. Он рассказал, что все погибшие в 1943 году были перенесены в одну братскую могилу. Среди воинов похоронена и Тося Потапова.

На могиле воинов, отдавших жизнь за свою Родину, стоит обелиск. Уже завезён в колхоз скульптурный памятник, который будет установлен на могиле героя.

Пионеры Н. Ивановской начальной школы (директор – т. Кагадей Н.В.) переписываются с учениками школы, в которой училась Тося Потапова.

В. Чернобровченко, секретарь Харьковского обкома ЛКСМУ.

* * *

Редактору газеты «Красная звезда»

Уважаемый редактор!

Очень просим помочь найти человека, который был свидетелем гибели нашей землячки Тоси Потаповой. Он прислал письмо в 1944 году, но дошло оно до нас только сейчас. Фамилия ст. лейтенанта – Вегеря Ф.П. Копию письма мы Вам высылаем.

Ребята, школьники из Харьковской области, прислали фотографию могилы Тоси. Но нам интересно знать, кто ещё вместе с ней сражался против немецко-фашистских захватчиков?

Т. Руськина, секретарь Мелекесского ГК ВЛКСМ.

* * *

Начальнику Главного управления кадров МО

Копия: Мелекесскому ГК ВЛКСМ

Направляю письмо второго адресата и копию письма офицера Вегеря Ф.П. для проверки и установления его имени и местонахождения по Вашим учетным данным.

По данным архива Министерства обороны 5-я войсковая часть входила в состав 1-й гвардейской армии.

Документов, необходимых для установления имени, прохождения службы и судьбы офицера Вегеря Ф.П., на хранении в архиве МО не имеется.

Есть основания полагать, что ст. лейтенант Вегеря Ф.П. находился в плену у немцев и был свидетелем гибели Тоси Потаповой.

Фамилия Вегеря Ф.П. довольно редкая и по картонам: алфавитно-послужной, учета награждённых и учета потерь, – по нашему мнению, удастся установить необходимые данные.

Если будет установлено, в каких частях и учреждениях офицер Вегеря Ф.П. проходил службу, то прошу сообщить в архив МО для проверки архивных документов.

Добровольский, нач. отдела архивохранилища.

* * *

– Да-а, – протянул Василий, ознакомившись с перепиской. – В этих письмах есть обнадеживающие и сомнительные места.

– Какие? – спросил я.

– Старший-то лейтенант Вегеря не находится. Может, он никогда и не существовал?

– Этого не может быть. Факт все-таки подтверждён. И Харьковским обкомом комсомола, и жителями Ново-Ивановки.

Василий рассмеялся.

– Факт мог быть, не спорю. А откуда гарантия, что это случилось именно с вашей Тосей? А вдруг это всего-навсего случайное совпадение? Разве в наших частях было мало дивчин? Вдруг Тося погиб-

ла где-то в другом селе, а вот под Ново-Ивановкой немцы замучили другую девушку, не Тосю? Скажи, могло быть?

– Вполне могло.

– Могло, конечно. А вот ещё версия. Вдруг в этой части были ещё девчата? И все погибли. Так о какой из них идет речь в письме Вегери? Кстати, в одном из ответных писем его называют почему-то «Вегер»...

Подобные размышления и вопросы мучили и меня. Я тоже задумывался, сомневался, предполагал. Утешало только одно – я везу несколько фотографий Тоси. Покажу их жителям Ново-Ивановки, может, опознают. Фотографии были моим основным козырем. На них-то я и возлагал главную свою надежду.

Немного истории

Поезд отстукивает километр за километром. Мимо проносятся города, посёлки, перелески, поля, где ещё вчера грохотала война и кипели жаркие сражения.

Уже позади Тула, Орёл, Курск, Белгород – знаменитые места боевой славы русского оружия. С каждым из этих городов связаны легендарные страницы летописи войны и подвиги богатырей-солдат великой русской земли.

А поезд мчится и мчится, выстукивая монотонную дробь. Ещё несколько бросков, и мы будем на знаменитой и прославленной Харьковщине.

– Знаешь, какая мне сейчас пришла мысль? – начал Василий. – Не угадаешь. А у меня опять сомнение. Ты вот говоришь, Тося попала в плен в феврале сорок третьего. А я думаю: как же так? Ведь в это время наша армия, кажется, наступала.

Итак, что же произошло?

Почему наши войска оказались вдруг в окружении?

После разгрома врага под Сталинградом Красная армия начала общее наступление и прорвала фронт на обширном участке. Всё это позволило начать освобождение Украины и в первую очередь её главных промышленных районов, таких как Харьков и Донбасс.

Решение этой задачи было возложено на Южный, Юго-Западный и Воронежский фронты. Основная же роль в освобождении Донбасса отводилась Юго-Западному фронту, главной ударной силой которого были 6-я и 1-я армии. (В составе 1-й армии и служила наша землячка Тося Потапова.) Им предстояло развернуть наступление, обойти противника и отрезать ему все пути отхода.

Но гитлеровское командование тоже принимало меры, чтобы удержать Донбасс. Оно спешно перебрасывало на этот участок войска с других фронтов, а также лучшие дивизии из Западной Европы.

В календарном порядке эти события выглядели так:

29 января

Войска Юго-Западного фронта перешли в наступление. Ударом на Балаклею его успешно начала 6-я армия.

30 января

1-я гвардейская армия нанесла сильный удар на Красный Лиман.

2 февраля

Перешли в наступление войска Воронежского фронта и устремились на Запад.

5 февраля

На Харьковском направлении войска Воронежского фронта вышли на Северный Донец, а войска 3-й гвардейской – на подступы к Воронежу.

6 февраля

Врагу отрезаны пути отхода из Харькова на Змиёв... Начаты бои за Курск... Освобождены Балаклея и Изюм.

7 февраля

Освобождён город Короча... Завязаны бои за Белгород.

8 февраля

Освобождён Курск...

Перерезана железная дорога Харьков-Лозовая...

Чтобы ликвидировать угрозу окружения Харьковской группировки, немцы отводят войска с Северного Донца.

9 февраля

Освобождён Белгород...

Форсирован Северный Донец и завершён обход Харькова с юга.

11 февраля

1-я гвардейская армия освободила Лозовую и начала бои за Славянск и Красноармейское, выходя в глубокий тыл армий «Дон».

14 февраля

Освобождены Ворошиловград, Ростов.

15 февраля

Освобождён Харьков...

17-19 февраля

Гитлеровская ставка в смятении. В течении трёх дней в Запорожье проходит совещание, на котором присутствует Гитлер. Он заявил, что мощное наступление Красной армии можно остановить только мощным контрнаступлением... Надо отрезать далеко продвинувшиеся советские войска и окружить их в районе Харькова...

Для контрнаступления фашисты сосредоточили на небольшом участке 25 дивизий. Враг стягивал войска, но эту коварную перегруппировку командование Юго-Западного и Воронежского фронтов приняло за намерение врага отойти за Днепр. Командование требовало продолжать наступление.

Но успешно наступать наши войска уже не могли. Соединения далеко оторвались от баз и понесли крупные потери. К тому же началось резкое потепление, распутица.

И вот 19 февраля танковый корпус СС начал контрнаступление. Затем переходит в наступление другой танковый корпус. Захватив Красноармейское, Павловград, оба танковых корпуса устремились на Лозовую и дальше, сминая наши отступающие части и отрезая им пути к отходу.

Учитывая эту обстановку наше командование отдало приказ отойти за Северный Донец...

Измотанные долгими боями, наши части отступали.

Отступала и 58-я стрелковая дивизия 1-й гвардейской армии, в которой служила Потапова Антонина Михайловна...

Отряд капитана Шабанова

Настроение у Тоси с утра было пасмурным, как эта промозглая февральская погода. В голову лезли мрачные, безысходные мысли: «Прорвёмся ли к своим? Удастся ли выбраться из кольца окружения?»

Понеся большие потери, 58-я стрелковая дивизия генерала Жеребина отходила двумя группами. Одну возглавил он сам, а другая отходила под руководством подполковника Солдатенкова. Правда, распоряжением генерала при группе Солдатенкова был выделен особый отряд с имуществом штаба дивизии и военного трибунала. Отряд этот под командой капитана Шабанова выходил из окружения самостоятельно.

В отряде насчитывалось 43 человека, в том числе три женщины. На семи подводах и одной полуторке располагалось имущество штаба дивизии. Несколько автоматов и гранат да личное оружие офицеров – вот и весь «арсенал» отряда. Поэтому Шабанов решил, что о прорыве кольца силой не может быть и речи. Надо искать место, где немцы ещё не успели сосредоточиться.

Прошлой ночью они пытались проскочить в районе Барвенково, но неожиданно столкнулись с большим отрядом фашистов. Начали бой, но почувствовали – силы неравны и отступили в район станции Лозовая. Но и там были немцы.

Всю ночь отряд бросался то в одну, то в другую сторону.

Пять раз лейтенант Фёдор Вегеря ходил в разведку и всякий раз приносил нерадостные вести.

Наступило утро 25 февраля. Рассвет застал отряд километрах в двух от села Ново-Ивановка, которое располагалось в большой низине, как в гигантской чаше.

Шабанов развернул планшет и покачал головой.

– Дело, ребята, дрянь. Вся местность как на ладони. Ни деревца, ни кустика. До ближайшего леса 15-20 километров, надо спешить.

Шабанов взглянул на хмурое небо, на облака, похожие на взрывы, вытер рукавом росинки дождя на лице и прошептал: «Спешу не спешу, а много не наспешу»...

Тося и Фёдор шли рядом. Последнее время они как-то всегда держались вместе. С тех пор, как встретились в Павловграде, какая-то сила помимо их воли тянула друг к другу. Тосе было легко, когда рядом с нею находился весёлый и вечно улыбающийся Фёдор. Он был ранен несколько раз, но всё равно не унывал и сохранял бодрость духа. А в ночной перестрелке его опять ранило в руку. Фёдор пытался забыть о своей боли, но Тося чувствовала, как ему тяжело, и переживала, когда неосторожно он задевал раненую руку.

– Сейчас, Федя, зайдём в село и в первой же хате я сделаю тебе перевязку.

– Чепуха, – улыбнулся Фёдор, – я живучий, пройдёт. Вот документы наши неплохо было бы оставить на хранение.

Тося огляделась вокруг и вздрогнула, заметив, что в большой низине притаилось маленькое-маленькое село. И до того эта местность показалась ей знакомой, что она разволновалась, словно была здесь несколько раз и сейчас может встретить кого-то близкого.

«Ну ей-богу, как у нас, – с улыбкой подумала Тося, – Не хватает только одного – леса. У нас ведь вокруг такие сосны, что аж дух захватывает от их высоты. Бывало, зайдешь на Горку и долго-долго слушаешь, как гудят сосны, как печально перешептываются они о чём-то своем, сокровенном. Облака, кажется, зацепились за их кроны, как огромные серые дирижабли. А ветер дунет-дунет, и сосны клонятся и как-то нежно прикасаются друг к другу...»

Невольно вспомнилась задушевная подруга Вера Соловьева.

«Где она сейчас, моя Верка? – с тревогой подумала Тося. – Может, вот, как и я, мокнет под дождём, выбивается из сил, выбираясь из окружения...»

Тося поправила выбившийся из-под ушанки мокрый локон и почему-то вспомнила о письме матери. Как-то полковой парикмахер предложил Тосе сделать завивку, и она написала матери, что хочет сменить причёску. И слова ответного письма зазвучали в ушах Тоси материнским голосом: «Да как это ты, доченька, додумалась? Такие у тебя волосы, и ты хочешь их испортить завитушками. У меня не смей это делать. Не смей. Да и стыдно, чай. Сама по смерти ходишь и о кудрях думаешь».

Тося поёжилась, и сердце защемило от какого-то тяжёлого предчувствия. Слова матери «по смерти ходишь» как нарочно застряли в мыслях и никак не хотели выбраться оттуда. Чтобы отвлечься, Тося повернулась к Фёдору, который также задумчиво шагал рядом.

– Ты что это, Федя, молчишь?

– Не хочу тебе мешать. Иногда ведь человеку хочется остаться наедине с собой. А я заметил, что ты сейчас чуть ли не дома побывала.

– А ты угадал. Местность эта мне наш Мелекесс напомнила. Вот если бы лес был вокруг, то я наверняка подумала бы, что к Мелекессу подхожу...

– Кто у тебя там?

– Мама да братишка. Одни. Папа тоже на фронте.

Дорога свернула в пустынную улицу села. Тихо. Не видно ни единой души, и если бы не дымки из труб, то можно подумать, что всё село вымерло.

От мелкого дождя белые украинские хаты поперели и выглядели угрюмо, как мокрые куры. Где-то совсем недалеко слышались рёв автомашин, выстрелы, ржанье лошадей. Но люди, казалось, ко всему равнодушные, шли молча, увязая по колено в вязком грязном снегу.

А ноздрястый снег, тут и там исполосованный колеями машин, саней, раскисленный сотнями солдатских сапог, трудно было назвать снегом. Он напоминал серо-пепельную массу, холодную массу выброшенную вулканами войны. И люди шли сейчас, скользя и падая, шли где-то вблизи этого страшного кратера.

– Товарищ капитан, – обратилась Тося к Шабанову, – старшему лейтенанту Вегеря надо сделать перевязку. Я прошу разрешения зайти в одну из хат.

– Идите, – и, обращаясь к Фёдору Вегере, добавил:

– Только быстро, старший лейтенант, вы мне очень нужны.

Петька

Сквозь сон Петьке показалось, что кто-то вошёл в хату. К ним часто заходили, потому что жили они на краю села, у самой дороги. Правда, хата была третьей от края, но крайние две сожгли, отступая, немцы, и теперь Петькина хата была на самом бойком месте.

– Доброе утро, мамаша, – раздался глухой мужской голос.

– Здравствуйте, – тихо сказала вошедшая женщина.

Мать, как всегда, на радостях всхлипнула, запричитала, метнулась на кухню и загремела посудой, собирая на стол.

– Сынок, дочка, садитесь. Поснедайте трошки.

– Спасибо, ничего не нужно, – сказала женщина.

– Да и не время за столами высиживать, – добавил мужчина.

– Вчера наступали мы, а нынче – немец. Со всех сторон жмёт, анафема, того и гляди на пятки наступит. К своим идём, а пробьёмся ли...

Петька высунул нос из-под полушубка и одним глазом уставился на угрюмое лицо высокого солдата, упиравшегося прямо в потолок низенькой хаты. Голова и рука его были перебинтованы не белыми, а, как Петьке показалось, серыми бинтами. Бушлат был тоже какого-то неопределённого цвета и издавал шум при каждом движении своего владельца.

Девушка вынула из кармана бинт и подошла к солдату.

Пока девушка делала перевязку, Петька смотрел на её юное лицо, на крупную родинку на подбородке и ему стало жаль эту девушку в грязно-белом полушубке.

– Куда теперь, Федя? А? Трое суток мечемся, и всё бесполезно.

– Сегодня, Тося. Сегодня или никогда.

Тося заметила Петьку и, подойдя к нему, протянула два кусочка сахара.

– Та не надо, – отказался Петька, но руки сами потянулись к этим белым соблазнительным квадратикам.

К столу подошла мать Петьки, поставив две кружки с дымящимся чаем.

– Может, чайку попьёте?

И Тося с Фёдором не отказались. Маленькими глотками они отхлёбывали чай, заваренный, по видимому, сушёной морковью.

– А мы, мамаша, к тебе с просьбой, – Фёдор вынул из кармана что-то завернутое в тряпицу. Спрячь всё это, пожалуйста, подальше.

Мать протянула было руки к свёртку, но нерешительно задержала их.

– А не взирвется?

– Не пугайтесь, – улыбнулась Тося, – тут документы. Кто знает, как обернётся дело. Может... Но на всякий случай спрячьте. Погоним немца, обязательно к вам заглянем.